

«ДЕЛО СЛАНСКОГО»: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Н.Н. Приступа, г. Минск

В ноябре 1952 г. состоялся показательный процесс над группой членов Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) во главе с бывшим генеральным секретарем партии Р. Сланским. Р. Сланский был правой рукой председателя партии К. Готвальда и «приложил руку» ко всем ранее организованным в стране процессам. Вместе с ним были репрессированы еще 14 человек.

В марксистской историографии доминировало мнение о том, что они «понесли заслуженную кару», так как пытались «помешать социалистическому строительству» [1, с. 446]. После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности И. В. Сталина акценты несколько изменились. Так, к примеру, говорилось о том, что «по ложному обвинению в буржуазном национализме были сняты с государственных и партийных постов, а затем арестованы и преданы суду

В. Клементис, Г. Гусак» и ряд других деятелей, проходивших по «делу Сланского» [1, с. 447]. Однако фамилия самого Р. Сланского не фигурировала.

Журнал «Свидетельство» («Svědectví»), издававшийся в эмиграции (г. Париж), последовательно отстаивал необходимость объективного изучения коммунистического прошлого Чехословакии. Это касалось и «дела Сланского». Профессор политологии, бывший депутат Национального собрания Чехословакии И. Духачек характеризовал его как антисемитский процесс, который, с одной стороны, должен был повысить популярность режима среди тех слоев населения, где в годы оккупации могли «прорасти зерна нацистской антисемитской пропаганды» [2, с. 244]. С другой стороны, отстранение евреев из партийно-государственного руководства должно было показать «неэффективность чехословацкого пути построения социализма» [2, с. 245]. Более того, это было сделано с целью укрепления позиций чехословацких коммунистов: из руководства «были исключены те люди, которые были крайне непопулярны среди чешской и словацкой общественности, в первую очередь Р. Сланский и В. Клементис, а «также евреи» [2, с. 245].

После выступления первого секретаря КПЧ А. Новотного на партийном съезде в ноябре 1961 г., редактор журнала «Свидетельство» («Svědectví») П. Тигрид обвинил его в фальсификации и перекладывании ответственности «за преступление и перегибы» на К. Готвальда [3, с. 286]. Сам процесс он квалифицирует как «патологию сталинизма», «орудие борьбы за власть», антисемитскую кампанию [3, с. 287]. Автор также убежден, что процесс не закончился не только после расстрела Р. Сланского и др., но и «даже несколько месяцев после смерти И. В. Сталина» [3, с. 291]. Более того, П. Тигрид, рассматривая вопрос о том, кто виноват в организации политических преследований, в том числе и в отношении Р. Сланского, называет Коммунистическую партию Чехословакии целиком [3, с. 305].

Исследователь Дж. Г. Годос (G. H. Hodos), ставший жертвой в ходе раскручивания дела Л. Райка в Венгрии, в своей книге «Показательные процессы. Сталинские чистки в Восточной Европе, 1948 – 1954» отмечает, что детали «дела Сланского» не столь важны, так как, по аналогии с венгерским случаем, они были выбраны произвольно и случайно [4, р. 83]. Сравнивая чехословацкий процесс с процессами в других странах Восточной Европы, он выделяет следующие отличия. Центральное место в «деле Сланского» занимал антисемитизм – «в каждой части обвинительного приговора» [4, р. 84–85]. Более того, целью начавшейся кампании был и сам Израиль («лакей американского империализма»). В качестве «доказательств» этого были использованы показания «свидетелей», указавших на связи Р. Сланского с израильскими шпионами [4, р. 85]. В отличие от Венгрии в Чехословакии большое звучание имел британский контекст и меньшее – обвинение в «титоизме». В первом случае речь шла о том, что проходившие по делу обвиняемые объявлялись «креатурами Бенеша и Рипки⁸» [4, р. 83]. Во

⁸ Э. Бенеш – второй президент Чехословакии, Г. Рипка – министр внешней торговли (1945–1948).

втором — устанавливалась связь с «кликкой Тито», но это касалось, главным образом, ранних этапов деятельности обвиняемых [4, р. 85].

Видный чешский исследователь К. Каплан подробно изучил «дело Сланского» в своей работе «Сообщение об убийстве генерального секретаря» [5]. Он отмечает, что положение Р. Сланского — второго человека в государстве — было предметом зависти, особенно если учитывать фактор плохого состояния здоровья К. Готвальда [5, с. 130]. Однако вплоть до конца марта 1951 г. на информацию о Р. Сланском «как бы не обращали внимание» [5, с. 134], а потом его стали обвинять в расстановке «ненадежных политических сил» [5, с. 140–141], укреплении евреев в руководстве экономикой страны [5, с. 148–149]. При этом К. Каплан неоднократно повторяет, что концепция «дела Сланского» разрабатывалась непосредственно в Москве [5, с. 147, 149, 156, 158]. Чешский историк подробно восстановил ход судебного разбирательства, конструирования обвинения, вынесения приговора и приведение его в исполнение.

Одним из первых российских исследователей, кто обратился к исследованию подробностей «дела Сланского», стала Г.П. Мурашко. В 1997 г. она подготовила к публикации подборку документов из архивов Российской Федерации под одноименным названием «Дело Сланского» [6]. Во вступительной статье Г.П. Мурашко отмечает, что именно «борьба в правящей партийно-государственной группировке оказалась решающей для выбора в качестве главной фигуры монстр-процесса как раз Сланского» [6, с. 8]. Это и стало отличием процесса в Чехословакии от аналогичных процессов в Венгрии и Болгарии. Более того, Г.П. Мурашко полемизирует с чешским исследователем К. Капланом по поводу установления инициаторов и исполнителей этого громкого дела. Она соглашается с тем, что советские советники действительно приняли активное участие в его подготовке, но его «наполнение» (т. е. жертвы, характер обвинения и др.) зависело от «взаимоотношений в правящей элите Чехословакии и ситуации в стране» [6, с. 7].

В дальнейшем Г.П. Мурашко в коллективной работе сотрудников Центра по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны Института славяноведения Российской Академии наук⁹ «Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории» [7] рассматривает «дело Сланского» в контексте восточноевропейских процессов. При этом, она подчеркивает, что в начале 1950-х гг. необходимым был новый враг для «поддержания в обществе атмосфер разделения его на “своих” и “чужих”» [7, с. 547]. К этому времени в Советском Союзе набирала силу антисемитская кампания, что дало, по ее мнению, «четкий ориентир для определения нового внутреннего “врага”» и в странах Восточной Европы [7, с. 547].

Что касается Чехословакии, то, как отмечает исследовательница, по отношению к значимой фигуре, необходимой для раскручивания крупного процесса, начался

лету 1951 г. и фигура Р. Сланского могла устроить многих. В работе это обосновывается как положением, которое он занимал в партии и государстве, так и менталитетом коммунистических функционеров тех лет [7, с. 555]. Опираясь на данные российских архивов, автор утверждает, что с лета 1951 г. увеличился поток компромата на Р. Сланского и началось оформление группировки, выступавшей против него. Советники МГБ СССР также видели в Р. Сланском подходящую фигуру, однако были и свои сложности — в годы Второй мировой войны он принадлежал к коммунистической эмиграции в Москве, что отличало его от Т. Костова и Л. Райка. Даже И.В. Сталин поначалу негативно отреагировал на информацию об участии Р. Сланского в «антипартийном заговоре» [7, с. 555]. Именно эта реакция советского лидера, по мнению исследователя, заставила председателя КПЧ К. Готвальда скорректировать взятую линию на дискредитацию Р. Сланского [7, с. 556–557]. Первоначально было получено добро на снятие Р. Сланского с поста Генерального секретаря ЦК КПЧ [7, с. 557].

Исследовательница акцентирует внимание на том, что заговорщики делали ставку на доказательства «антипартийной вредительской деятельности» уже бывшего генерального секретаря. Они сразу попытались использовать его еврейское происхождение для доказательства его связей с сионистскими организациями [7, с. 558].

Как утверждает Г.П. Мурашко, арест Р. Сланского (23 ноября 1951 г.) был «напрямую санкционирован Москвой» [7, с. 559]. Причем, в Прагу был направлен член Политбюро А. Микоян. Вновь подтверждая роль СССР в дальнейшем раскручивании дела, она пишет о том, что уже после ареста Р. Сланского всплыл документ (письмо некоей И. Клойберовой), который разоблачал его как «агента империалистической разведки». Исследовательница предположила, что текст этого письма был «изготовлен “умельцами” из МГБ СССР» и вовремя впоследствии всплывший [7, с. 560].

Арест Р. Сланского спровоцировал новую волну репрессий. Группировке во главе с К. Готвальдом и его зятем А. Чепичкой это было на руку, так как можно было дать «аргументированное» объяснение неудач в строительстве социализма. Страна вступила в фазу «антисемитской истерии» [7, с. 560]. По мнению исследователя, после приведения смертного приговора в отношении Р. Сланского в исполнение (декабрь 1952 г.) само «дело» не было закончено [7, с. 562]. Началась тотальная смена кадров партийного и государственного аппарата, деятельность которого перестраивалась по советскому образцу.

Таким образом, подчеркивается, что только после согласования с советским руководством чехословацкие коммунисты начали кампанию по устранению Р. Сланского. Это вписывалось в рамки антисемитской кампании, набравшей силу в СССР, и вылилось в «откровенный политический антисемитизм» [7, с. 573]. Более того, это вписывалось в новую концепцию Советского Союза по отношению к Восточной Европе — строительство советской модели социализма.

Полемизируя с чешскими исследователями, Г.П. Мурашко подчеркивает, что не нужно все списывать только на «режиссуру Кремля», а руководство КПЧ

⁹ До 2011 г. — Центр по изучению истории сталинизма в Восточной Европе.

представлять в виде «пассивного орудия в руках Москвы» [8, с. 232]. Именно последние определяли конкретные жертвы и масштабы репрессий. Этим она объясняет и тот факт, что И.В. Сталин поначалу с подозрением отнесся к информации об антигосударственном заговоре во главе с Р. Сланским [8, с. 233]. Г.П. Мурашко также высказывает предположение о том, что в этом межклановом противостоянии (К. Готвальд – Р. Сланский) группировка Р. Сланского вряд ли была пассивной, и призывает не сводить отношения советского руководства с главой КПЧ только к формуле «приказ – исполнение», так как «каждый играл свою роль на своем поле и преследовал свои цели» [8, с. 235].

В противовес Г.П. Мурашко другие российские исследователи А.А. Данилов и А.В. Пыжиков утверждают, что инициатива в раскручивании «дела Сланского» принадлежала не чехословацким коммунистам. Особую роль в этом они отводят советнику МГБ СССР при министерстве национальной безопасности Чехословакии В.А. Боярскому. Он информировал «о подрывной деятельности еврейских националистов, проникших на руководящие посты в партийный и государственный аппарат Чехословакии», которых поддерживал Р. Сланский. Кроме этого, он, якобы, был связан с американским журналистом-разведчиком Герингером, а его брат – с английским разведчиком Лиасо [9, с. 55].

Исследователи также обращают внимание на реакцию К. Готвальда на «открытие» работников МГБ: «просил тщательно разобраться с этим делом» и «выразил удовлетворение работой» МГБ [9, с. 56]. Для удовлетворения этой просьбы в Прагу был направлен работник центрального аппарата МГБ СССР полковник А.Д. Бесчастнов. А.А. Данилов и А.В. Пыжиков утверждают, что лишь после его вмешательства Р. Сланский был арестован, так как для этого появились «серьезные документальные основания»: письмо некоего «закордонного агента министерства национальной безопасности Чехословакии» и некоей И. Клойберовой в Австрию, которое еще в 1949 г. поступило в МГБ СССР (?) и только в декабре 1951 г. обнаружилось [9, с. 57].

Такого же мнения придерживается исследователь Р.Ш. Ганелин, который убежден, что «у руля» был сам И.В. Сталин, дававший указания в письмах К. Готвальду. Он также пишет о том, что советским «научителям» (советникам) иногда не хватало режиссерского профессионализма: один из советских корреспондентов сообщил в газете как об уже состоявшемся в суде то, что на нем еще предстояло [10, с. 179].

Российский историк Н.В. Петров пишет о том, что процессы против высшего политического руководства в Чехословакии развернулись с некоторым опозданием, чем в Болгарии и Венгрии [11, с. 215]. Кроме этого, он подчеркивает, что решение об аресте принимал «сам» И.В. Сталин и направил А. Микояна в Чехословакию для того, чтобы «проследить за его выполнением» [11, с. 215].

Профессор Кельнского университета Л. Люкс, родившийся в России, называет «дело Сланского» первым показательным антисемитским процессом в странах Восточной Европы, когда евреи стали рассматриваться в качестве одного из главных врагов общества и государства. В этой связи он приводит слова одного

из следователей, занимавшихся этим делом некоего Дрозда: «Партия не против евреев, это евреи против партии. Поэтому партия должна бороться против евреев, чтобы защитить социализм» [12, с. 366].

Таким образом, «дело Сланского» по-прежнему вызывает интерес не только у ученых-славистов, но и у тех, кто занимается изучением периода сталинизма в истории СССР. При этом можно согласиться с Г.П. Мурашко, которая рекомендует избегать политизации в оценках этого процесса, а стремиться к объективности и нетенденциозности в его исследовании.

Литература и источники

1. Краткая история Чехословакии / А.Х. Клеванский (отв. ред.), В.В. Марьина, И.И. Поп. – М.: Наука, 1988. – 576 с.
2. *Ducháček, I.* Deset let která neotřásla světem (profil československého komunismu) / I. Ducháček // Svědectví. – 1958. – R. II. – Č. 3. – S. 226–263.
3. *Tigrid, P.* Jak tomu opravdu bylo se Slánským a druhy / P. Tigrid // Svědectví. – 1962. – R. IV. – Č. 16. – S. 285–307.
4. *Hodos, G.H.* Show Trials. Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948–1954 / G.H. Hodos. – New-York: Praeger Publishers, 1987. – 194 p.
5. *Kaplan, K.* Zpráva o zavraždění generálního tajemníka / K. Kaplan. – Praha: Mladá fronta, 1992. – 301 s.
6. *Мурашко, Г.П.* Дело Сланского / Г.П. Мурашко // Вопросы истории. – 1997. – № 3. – С. 3–20.
7. *Волокитина, Т.В.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 686 с.
8. *Мурашко, Г.П.* Советский Союз и общественные трансформации в Восточной Европе в 1940–1950 гг. Некоторые дискуссионные вопросы в современной российской и чешской историографии / Г.П. Мурашко // Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник статей / Е.П. Серапионова (отв. ред.). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. – С. 219–239.
9. *Данилов, А.А.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы / А.А. Данилов, А.В. Пыжиков. – М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.
10. *Ганелин, Р.Ш.* И.В. Сталин, А.Я. Вышинский и Ю.П. Францев в 1949–1953 гг.: от борьбы с космополитизмом к «делу врачей» / Р.Ш. Ганелин // Новейшая история. Modern history of Russia. – 2011. – № 2. – С. 171–191.
11. *Петров, Н.В.* Сталин и органы НКВД – МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945 – 1953 гг. / Н.В. Петров [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://dare.uva.nl/document/106770> – Дата доступа: 27.07.2011.
12. *Люкс, Л.* История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина / Л. Люкс. – М.: РОССПЭН, 2009. – 527 с.